

УДК 93.167/168

История становления и развития методологии гуманитарного познания (на примере исторического познания)

Е.Б. Волосова

Иркутский государственный университет, ул. К. Маркса, 1, Иркутск, Россия
volosova1961@rambler.ru

Статья поступила 18.10.2019, принята 22.11.2019

Статья посвящена анализу методологии гуманитарного познания (на примере исторического познания), ее становлению и развитию в контексте философских и общенаучных закономерностей. Дается анализ трех этапов, сменяющих друг друга – отождествления научного и гуманитарного подходов (XVI–XIX вв.), их противопоставления (конец XIX – начало XX вв.) и диалектического синтеза. В рамках последнего раскрывается содержание современного образа исторического познания, его методологических проблем. Подчеркивается, что сложный процесс познания «человекообразных» объектов требует сочетания как гуманитарного («изнутри»), так и собственно научного («извне») подходов.

Ключевые слова: научный подход; гуманитарный подход; «человекообразный объект»; позитивизм; марксизм; новый образ исторической науки; семиотический подход; гибкий познавательный комплекс.

The history of the formation and development of humanitarian knowledge methodology (on the example of historical knowledge)

E.B. Volosova

Irkutsk State University; 1, K. Marks St., Irkutsk, Russia
volosova1961@rambler.ru

Received 18.10.2019, accepted 22.11.2019

The article is devoted to the analysis of the methodology of humanitarian knowledge (on the example of historical knowledge), its formation and development in the context of philosophical and general scientific laws. The analysis of three stages, namely, the identification of scientific and humanitarian approaches (XVI–XIX centuries), their opposition (late XIX – early XX centuries) and their dialectical synthesis replacing each other, is given. The third stage reveals the content of the modern image of historical knowledge and its methodological problems. It is emphasized that the complex process of cognition of “human-sized” objects requires a combination of both humanitarian (“from the inside”) and scientific approaches (“from the outside”).

Keywords: scientific approach; humanitarian approach; “human-sized object”; positivism; Marxism; a new image of historical science; semiotic approach; flexible cognitive complex.

Человек в своей познавательной практике движется разными путями. Определенное место занимает сциенция – научный подход. Но наряду с ним существует другой способ освоения действительности – гуманитарный, направленный на познание «человекообразных» объектов, которые «включают в себя человека, его сознание и часто выступают как текст, имеющий человеческий смысл» [1, с. 9]. Изучение таких специфичных объектов требует специфичных же способов и подходов.

В современной российской литературе вокруг термина «гуманитарный» складывается непростая ситуация. В основном он используется со словами «наука», «науки» и противопоставляется понятию

«естественные науки», подчеркивая их различие по объекту познания. Одни авторы говорят о социально-гуманитарных науках (Э.В. Островский), другие рассматривают социальные и гуманитарные науки как две отдельные группы (С.А. Лебедев), третьи используют термин «гуманитарный» для обозначения всех наук, занимающихся изучением «человекообразных» объектов (Ж.В. Усманская), или термин «социальный» в том же значении (В.А. Кутырев). В любом случае, к социальным наукам принято относить экономику, социологию, этнографию, демографию; к гуманитарным – историю, филологию, культурологию, психологию.

Современная наука, по словам В.С. Швырева, это «система, которая включает в себя свое собственное сознание, это система с рефлексией» [2, с. 126]. Автор подчеркивает, что ученый должен стремиться к тому, чтобы осознать и ясно выразить сущность своего исследования, выявить установки, средства и нормы, которыми он руководствуется в своей деятельности. Другими словами, ученый должен одновременно занимать позицию методолога.

Предметом анализа данной статьи является историческая наука, точнее, не познавательные процессы, направленные на изучение прошлого, а методологические вопросы, являющиеся основанием деятельности историка. Каковы особенности исторического познания и знания? С какими проблемами сталкивается исследователь на своем пути? Возможно ли оптимизировать результаты исследования, сделать их более надежными? Ответы на эти и другие вопросы предполагают обращение к становлению и развитию методологии гуманитарного познания. Такой подход помогает рассмотреть методологию исторической науки в качестве элемента методологии гуманитарного познания в целом.

Выделим три этапа, каждый из которых характеризует статус гуманитарных наук в их соотношении с естественными науками: отождествление естественнонаучной и гуманитарной позиций (XVI–XIX вв.), их жесткое противопоставление (начало — середина XX столетия) и, наконец, диалектический синтез (конец XX — начало XXI вв.).

На протяжении длительного времени (XVI–XIX вв.) в западно-европейском обществе господствовал сциентистский стиль мышления, у истоков которого находился французский мыслитель и ученый Рене Декарт. Ядром нового мировоззрения становилась новая вера — в человека, его разумность, свободу и любознательность. Утверждался дух воинствующего оптимизма, который был связан с верой в исключительные возможности человеческого разума, прогресс науки и техники. Характерными особенностями сциентизма являлись придание наукообразности любым познавательным процессам, ориентация на идеалы и методы естественных наук, экспансия естественнонаучной парадигмы в область человекознания. На этой основе происходило формирование классической модели науки, в основе которой находился ряд допущений.

Материальный мир как объект изучения рассматривался как мир объективных явлений, свойств и законов, существующих до и вне сознания человека. Были предложены две познавательные стратегии, каждая из которых рассматривалась в качестве универсальной, т. е. одинаково пригодной для изучения как природы, так человека и об-

щества. Индуктивная стратегия опиралась на принципы очевидности и отражения (Ф. Бэкон, Дж. Локк). Дедуктивная стратегия опиралась на абсолютные, бесспорные утверждения — аксиомы, из которых по законам логики выводились истинные следствия (Р. Декарт). Идеалом научного знания считалось «чистое» знание, т. е. максимально освобожденное от субъективных характеристик. Другими словами, знания об объекте отождествлялись с самим объектом, что соответствовало понятию научной истины. Субъект познания рассматривался как помеха на пути ее достижения (концепция «идолов» Ф. Бэкона). Новыми по сравнению со средневековым условиями доказательности знаний стали принципы «внезаходимости субъекта» и «непрерывности наблюдения».

Дальнейшее развитие принципов классической теории познания связано с формированием позитивистской методологии. Основатель классического позитивизма О. Конт также, как впоследствии представители логического позитивизма, считал, что наука едина, и потому принципы математики и естествознания могут быть перенесены на изучение человека и общества (для Конта наиболее важной наукой была социология). В основании научного познания лежат единые устойчивые и неизменные принципы. Наука направлена на обнаружение, фиксацию и логическую обработку эмпирических данных. Объективность знаний рассматривалась как тождество научных высказываний об объекте с самим объектом (концепция А. Тарского). Был разработан принцип эмпирической верификации, который, как доказывал Б. Расселл, демонстрирует способы достижения истинных знаний.

Классический позитивизм стал основанием не только для социологии, но и для исторических наук. Так, девизом французской школы историографии XVIII–XIX вв. были слова «тексты, одни только тексты, ничего кроме текстов» (Ланглуа, Куланж). По выражению А.Я. Гуревича, данный период в истории французской школы традиционной историографии можно назвать «веком филозофской невинности» [3, с. 189]. Считалось, что исторический документ является хранилищем правдивой информации о прошлом, поэтому каков источник, такова и история; там, где молчат источники, нема и история. Другими словами, историк воспроизводит действительность прошлого, следуя за источниками, доверяя им. Данный этап характеризовался отсутствием понимания сложности и противоречивости исследовательской практики ученых.

Марксизм, как и позитивизм, придерживался точки зрения, что история общества протекает подобно природному процессу и подчинена тем же самым законам движения, что и природная

реальность. Естественные и социально-гуманитарные дисциплины были объединены логико-методологическим основанием — общими методами, нормами, условиями получения знаний. Резкое изменение политической ситуации в России после 1917 г. привело к принятию марксизма в качестве господствующей познавательной парадигмы. Данная ситуация отразилась на развитии исторических наук. Например, в археологии, которая рассматривалась как «история, вооруженная лопатой» (Д.А. Авдусин, А.В. Арциховский), были поставлены задачи глобальных исторических реконструкций древнейшего прошлого на уровне событий, процессов и законов. Археологи были уверены в широких познавательных возможностях своей науки как исторической; соответственно этому археологические объекты рассматривались в качестве надежного источника исторической информации, а теория исторического материализма полностью заменила собственно археологическую теорию [4, с. 54–83].

В американской археологии в 50–60-е гг. XX в. возникло направление, названное «новой археологией», или «археологией Бинфорда», близкое по духу советской археологии. На чем был основан оптимизм американских ученых? Понимая специфику своей познавательной практики, в частности опосредованность вещественными источниками, они были уверены в возможности преодолеть любые познавательные трудности на пути достижения истины. С этой целью разрабатывались строгие методы источниковедения — проверка информации на достоверность, критика источников. Была сделана ставка на дедуктивно-номологические процедуры, в основе которых находилась информационная теория археологического источника. Был выдвинут тезис о принципиальной достаточности археологического источника для исторических реконструкций, так как по одному элементу можно восстановить всю структуру. Центральным звеном концепции Бинфорда стала теория среднего уровня, или этноархеология [5].

Ситуация в советской археологии выражала общее состояние методологии исторического познания в нашей стране на протяжении 20–80-х гг. XX в. В рамках этой методологии работало подавляющее большинство советских историков (Ж. Келле, И.Д. Андреев, А.И. Ракитов, П.В. Копнин, В. Вазюлин, Э. Лооне и др.). Были поставлены задачи изучения типичных и повторяющихся элементов общественной жизни, прежде всего экономической сферы, классовой структуры. Теория исторического материализма рассматривалась не только как объясняющая концепция, но и философско-методологическое ядро всех наук о человеке и обществе. В рамках сциентизма произошло

полное отрицание гуманитарных способов познания, таких как понимание, вживание, личностный подход, индивидуализация. Гуманитарное познание рассматривалось как ненаучное, буржуазное и потому не заслуживающее внимания.

В начале XX столетия господствующими идеями мировой философии становятся мифологичность, релятивизм, натурализация, представленные в работах Ницше, Шпенглера, Юнга, Хайдеггера и др. На этой волне происходит становление неклассической парадигмы познания. Основное внимание переносится с объекта на субъект познания, который рассматривается внутри изучаемой реальности, детерминированный ею. Оказалось, что субъективный фактор не может быть устранен из результатов познавательной, в том числе научной деятельности. Распространение получила линия, известная еще со времен древнегреческой философии. Речь идет о субъективизме и релятивизме как отрицании возможностей достижения объективного знания. Неклассическая гносеология XX в. сделала ставку на данную позицию. Эти идеи нашли развитие в работах постпозитивистов во второй половине XX столетия. Например, Т. Кун предложил концепцию верификации знаний через парадигму, лежащую в их основании, П. Фейерабенд выдвинул тезис о пролиферации, или размножении теорий.

Таким образом, в релятивистской парадигме произошел отказ от классических понятий «истина» и «объективность». Об истине как соответствии знаний и объективной реальности речь не шла. Основное внимание методолога было сосредоточено на работе сознаний, их взаимодействии, столкновении, конкуренции. Каким образом данная ситуация отразилась на состоянии исторического познания?

В конце XIX — начале XX вв. появляется направление, получившее название «критика исторического разума». В его рамках были осознаны трудности классической теории познания, невозможности в ее рамках решить проблемы гуманитарных наук. Начало критике положили немецкие ученые Дильтей, Виндельбанфт, Риккерт. Науки были разделены на номотетические («о природе») и идеографические («о духе»). Чем они различались? Объектами познания, методами, степенью достоверности знаний. Первые можно было считать настоящими науками, вторые, гуманитарные, в том числе история, — не имели к наукам никакого отношения. Данные представления были реализованы в создании специальной методологии гуманитарных исследований.

В этом направлении работали неокантианство (Виндельбанфт), герменевтика (Шлеймахер, Дильтей), философия жизни (Хайдеггер), скептическая философия (Коллингвуд, Поппер) и др.

Объединяющим фактором данных направлений стал скептицизм в отношении позитивистских идеалов. Это движение имело двоякий характер. С одной стороны, был поставлен ряд острых вопросов, неразрешимых с позиции классической теории, с другой стороны — порыв страстной критики уводил методологов в критицизм, полное отрицание каких-либо устойчивых положений.

В данной методологии можно выделить следующие темы: определение гуманитарного объекта, разработка гуманитарных методов познания, анализ предпосылочного знания, разработка критериев достоверности знаний. Дильтей, Риккерт, Хайдеггер рассматривали жизнь человека в качестве основного объекта, из которого неустранимы цели, ценности, переживания, индивидуальность. Дильтей разрабатывал способ психологического вживания, Риккерт предлагал аксиологический подход, Гадамер описывал позицию «сплавления горизонтов». Наиболее ярко релятивизм «критики исторического разума» проявился в утверждении невозможности познать исчезнувшие культуры, их непроницаемости для современного исследователя. Коллингвуд определил исторический факт как элемент мышления современного историка, а историю как «науку ножниц и клея». Дильтей отмечал, что каждое поколение переписывает историю по-своему. Гадамер считал, что критерием достоверности знаний будет выступать глубина проникновения в историческую традицию, а не соответствие объективной реальности или мыслям современного исследователя. Понимаемая таким образом познавательная деятельность историка отождествлялась с искусством.

В конце XX — начале XXI столетия происходит отказ от резкого противопоставления гуманитарности и научности, также как их полного отождествления. Данные тенденции нашли свое выражение в осмыслении специфики гуманитарного подхода и в то же время его универсальности (М. Бахтин, Л.М. Баткин, В.С. Библер, В.В. Семенова, В.С. Степин, В.С. Швырев). Он может быть реализован не только в науках о человеке и обществе — истории, культурологии, педагогике, социологии, но и в естествознании.

На этой волне происходит формирование нового образа исторической науки (А.Я. Гуревич, О.А. Донских, Е.В. Антонова, Д.С. Раевский, М. Гефтер, К.В. Хвостова, В.В. Ильин, А.Л. Никифоров, В.Н. Романов). Можно выделить некоторые направления исследований: определение понятия «историческая реальность как объект исследования», анализ особенностей и трудностей деятельности историка, проблема истины, пути оптимизации знаний. Сегодня считается неоспоримым факт субъективизации исторического познания, его диалогического характера, влияния когнитив-

ных и не когнитивных факторов. К последним были отнесены финансы, политика, идеология, национальные и религиозные интересы, которые опосредованно формируют цели и ценности познания. Когнитивные факторы — стили мышления, парадигмы, картины мира, объясняющие концепции, принципы и допущения. Например, историк опирается на принцип детерминизма, актуализма, единообразия, корреляции материальных и нематериальных элементов, системности.

Стало очевидно, что исторические знания рождаются в сложном переплетении субъективных и объективных факторов, а истина имеет статус гипотезы. Это приводит к тому, что историк, по словам В.И. Свинцова, всегда находится на полпути к правде. Дается критика методов верификации знаний, в частности проверки через парадигму, актуалистического метода, эмпирической верификации. Делается вывод, что историк должен освобождаться от иллюзии законченного знания, осторожно относиться к желанию проникнуть в прошлое, особенно древнейшее.

Возможно ли оптимизировать историческое познание, повысить его надежность? В качестве такого средства предлагается отказ от унитарной модели исследования и переход к гибкому познавательному комплексу, который включает два взаимодополняющих пути — научный и собственно гуманитарный [6; 7]. Каждый из них имеет не только возможности, но и ограничения, о которых должен знать исследователь. Научный подход требует, чтобы исследователь занял позицию естествоиспытателя («извне»), сосредоточил свое внимание на типическом, использовал правила и процедуры научного анализа — точность, строгость, опора на факты, стремление к объективности. К научному подходу можно отнести, по мнению В.А. Кутырева, системно-структурный, историко-генетический методы [7, с. 8]. Гуманитарий работает «изнутри», с позиции участников исторического процесса, их мировоззрения, представлений, привычек, традиций.

Восстановление самостоятельного статуса гуманитарного познания началось в отечественной истории в конце 80-х гг. XX столетия прежде всего в контексте проблематики понимания, а также специфики гуманитарного познания в целом (А.Я. Гуревич, Г.А. Антипов, О.А. Донских, В.В. Ильин). В этом вопросе использовались возможности семиотического подхода. Согласно ему любые продукты деятельности человека прошлого, как духовные, так и вещественные, могут быть рассмотрены в качестве текстов [8]. Исторический источник рассматривался как текст, требующий понимания. Процесс понимания — это придание смысла (значения) тому, что мы изучаем. Понимание всегда диалогично, возникает на

стыке двух культур — современной и исчезнувшей. Результаты понимания вероятностны, многозначны.

Тем не менее, нужно отметить, что процедура понимания в отечественной традиции не является тождественной методу «вживания», предложенному Дильтеем для «наук о духе», скорее она близка концепции Гадамера. Это видно на примере методологической школы Новосибирска, авторы которой разработали теорию понимания инокультурного текста [9]. Авторы проводят мысль о том, что процесс межкультурного познания происходит с различной степенью понимания, которая зависит от размеров культурной дистанции. Главное условие того, что понимание возможно — это глубокая общность человеческого опыта, наличие каналов исторической памяти. Степень надежности результатов понимания зависит от степени близости между прошлой и современной культурами — генетической, пространственной, смысловой.

Таким образом, методология исторического познания прошла длительный путь становления и развития, который можно соотнести с философскими и общенаучными траекториями. Сциен-

тистский стиль мышления проник в «человеко-размерные» науки, которые были уподоблены естествознанию. Однако в начале XX столетия было подмечено, что данная схема не исчерпывает возможностей познавательного отношения человека к миру, что гуманитарный подход имеет самостоятельный статус. В современной российской литературе происходит переосмысление накопленных знаний в этой области (отечественных и зарубежных), использование собственных разработок и методик. Этот материал выступает основанием для создания нового образа гуманитарности.

Надо иметь в виду, что проблемы гуманитарного познания разрабатываются не только на теоретическом уровне, но и на уровне конкретных исследований — историческом, культурологическом, социологическом, а также в естественнонаучном познании. Современная методология истории включает представления о неизбежной субъективности, диалогичности, многозначности, гибкости, рефлексивности познавательных процессов в данной науке. С целью смягчения этих факторов разрабатывается принципиально иная методология, демонстрирующая различные пути оптимизации исторических знаний.

Литература

1. Блок М. Апология истории, или ремесло историка. Изд. 2-е, доп. М., 1986. 254 с.
2. Швырев В.С. Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы. М., 1988. 176 с.
3. Гуревич А.Я. Апология истории или ремесло историка. М., 1986.
4. Генинг В.Ф. Объект и предмет науки в археологии. Киев, 1983. 223 с.
5. Binford L. «New archaeology», then and today // *Archaeological thought in America*. Academic Press, 1989. P. 50–63.
6. Баткин Л.М. Два способа изучать историю культуры // *Вопросы философии*. 1986. № 12. С. 104–110.
7. Кутырев В.А. Современное социальное познание. М., 1988. 202 с.
8. Антонова Е.В., Раевский Д.С. О знаковой сущности вещественных памятников и способах ее интерпретации // *Проблемы интерпретации памятников культуры Востока: сб. ст.* М., 1991. С. 207–233.
9. Антипов Г.А., Донских О.А., Морковина И.Ю. Ю.А. Сорокин. Текст как явление культуры. Новосибирск, 1989. 195 с.